

28. III
2489

28. III
2489

1917
439

Брошюра г. И-ва „В. Н. Каразинъ,
мнимый основатель Харьков. у-та“
и отвѣтъ проф. Д. Багалъя въ
„Южн. Краѣ“ № 8,467.

462895

Появленіе такой брошюры нужно было
ожидать: въ нынѣшнемъ году исполнилось
сто лѣтъ со дня основанія харьков. уни-
верситета; въ „Русской Старинѣ“ за послѣд-
нія 30 лѣтъ напечатано много новыхъ до-
кументовъ, относящихся до личности и дѣ-
тельности Каразина, — документовъ, кото-
рые окончательно подорвали вѣру въ ста-
рые взгляды историковъ на послѣдняго.
Пересмотръ предмета сталъ необходимымъ
для всякаго, кто интересуется историче-
скою правдою.

Для насъ скорѣе былъ неожиданностію

Проверено
1945 1980

04 89

отвѣтъ проф. Багалѣя. Намъ казалось, что онъ откровенно сознается въ своей ошибкѣ и попросить извиненія въ ней у своихъ читателей. Въ этомъ сознаниі нѣтъ ничего позорнаго: каждому историку приходится не разъ отказываться отъ своихъ прежнихъ выводовъ, если появляются новые документы, подрывающіе ихъ историческую достовѣрность. Проф. Багалѣй имѣлъ полное право сослаться на такое обстоятельство тѣмъ болѣе, что его статья о Каразинѣ напечатана еще въ 1893 г., а между тѣмъ новыя интересныя данныя объ этомъ дѣятелѣ напечатаны въ „Рус. Ст.“ преимущественно въ послѣдніе десять лѣтъ. Поэтому намъ совершенно непонятно упорство пр. Багалѣя, который въ своемъ отвѣтѣ автору упомянутой брошюры продолжаетъ еще называть черное бѣлымъ!!

Мы даже думаемъ, что самъ пр. Багалѣй въ значительной степени былъ виновникомъ появленія труда г. И-ва, съ его удивительными разоблаченіями. Въ засѣданіи совѣта университета 28 октября 1904 года г. ректоръ сообщилъ, что комитетомъ по сооруженію памятника В. Н. Каразину

рѣшено помѣстить на пьедесталѣ памятника надпись: „1805—1905 В. Н. Каразину—*основателю* Импер. Хар. университета“ Тогда проф. Багалъйи заявилъ, что слово „основатель“ не соотвѣтствуетъ исторической правдѣ и предложилъ замѣнить оное словами: „положившій основаніе“. Это предложеніе очень удивило многихъ профессоровъ, которые знали, что профессоръ Багалъйи и въ своей статьѣ о Каразинѣ и въ первомъ томѣ „Опыта исторіи Х. ун-та“ называлъ его „истиннымъ основателемъ“, а теперь отказывался отъ главнаго вывода своихъ предшествующихъ работъ объ этомъ историческомъ дѣятелѣ. Другіе члены совѣта были того же мнѣнія: проф. Скворцовъ предложилъ замѣнить слово „основатель“ какимъ-либо другимъ, болѣе подходящимъ; проф. Лебедевъ предложилъ сдѣлать на памятникѣ надпись: „Въ память основанія императорскаго харьковскаго университета“. Последнюю редакцію поддерживали профессоры Стекловъ, Додукаловъ и др. Въ заключеніе совѣтъ большинствомъ голосовъ принялъ редакцію надписи проф. Багалъя, т. е. „положившій основаніе“.

1917 г.

Такимъ образомъ совѣтъ призналъ, что Каразинъ не былъ *основателемъ* харьковскаго университета, а только „положившій основаніе“. Мы смотримъ на эту послѣднюю фразу, какъ на выходъ изъ непріятнаго положенія! И въ самомъ дѣлѣ, что значитъ выраженіе „положившій основаніе“? Оно можетъ указывать и на большое участіе Каразина въ дѣлѣ основанія нашего университета и на совсѣмъ ничтожное. Напримѣръ, г. Н внесъ въ банкъ гривенникъ для образованія капитала на сооруженіе больницы для рабочихъ. Чрезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ, благодаря пожертвованіямъ добрыхъ людей, больничный капиталъ возросъ до 100 тыс. руб. И что же? Г. Н будетъ по справедливости считаться *положившимъ основаніе* этому капиталу. Но само собою понятно, что этотъ господинъ никогда не можетъ претендовать на памятникъ.

Еще большую сенсацію произвело въ томъ же засѣданіи совѣта заявленіе проф. Д. Овсянико-Куликовскаго, который, воздерживаясь отъ участія въ голосованіи той или иной редакціи надписи, сказалъ, что

онъ вообще противъ постановки памятника Каразину.

И многимъ профессорамъ хорошо извѣстно, что Д. Н. Овсянко-Куликовскій при такомъ заявленіи имѣлъ въ виду тѣ же основанія, которыя высказаны и въ брошюрѣ И—ва и затѣмъ въ статьѣ проф. Вязигина. *) Въ семидесятыхъ годахъ проф. Черняевъ и харьковскій городской голова Тордѣнко также рѣзко высказывались противъ проекта памятника Каразину. **) Такимъ образомъ г. И—въ съ своими отрицательными взглядами на это историческое лицо далеко не является одинокимъ.

Профессоръ Багалъй слишкомъ легко отнесся къ новому историческому труду по предмету, которымъ онъ давно занимается, и, кажется, только потому, что ему не хочется разстаться со своими устарѣвшими взглядами. Совершенно невѣрно мнѣніе проф. Багалъя, что будто бы первоисточникомъ брошюры И—ва была статья

*) См. „Мирный Трудъ“ № 5 за 1905 г.

**) См. записки импер. харьк. унив. № 1 за 1905 г. Документы, собранные и обнаруженные проф. Д. И. Багалъемъ!

Давровскаго, что „авторъ брошюры не вводитъ никакихъ новыхъ документовъ о В. Н. Каразинѣ, которые позволяли бы ему освѣтить личность его съ иной стороны“... Наоборотъ, упомянутая брошюра потому-то и произвела огромное впечатлѣніе на читателя, что въ основаніе ея легли тѣ документы, печатавшіеся въ разное время въ „Рус. Стар.“, которые не были еще использованы ни однимъ историкомъ и которые, дѣйствительно, освѣщаютъ личность Каразина съ иной стороны, т. е. со стороны исторической, а не панегирической, освѣщаютъ правдиво, а не пристрастно.

Въ чемъ же состоитъ отвѣтъ проф. Багалѣя на разоблаченія, сдѣланныя въ брошюрѣ И—ва? Въ сущности говоря, въ немъ нѣтъ возраженій по существу. Пр. Багалѣй говоритъ, что „тема, затронутая авторомъ, представляетъ глубокій общественный интересъ. Общество взволновано, недоумѣваетъ и необходимо помочь ему разобраться въ этомъ дѣлѣ“. Совершенно вѣрно. Какую же помощь нашло общество въ отвѣтъ проф. Багалѣя? Послѣдній совершенно неожиданно заявляетъ: „останавливаться на той части

брошюры г. И—ва, гдѣ онъ, понадергавъ нѣсколько выписокъ изъ записокъ и писемъ В. Н. Каразина, обвиняетъ его въ мошенничествѣ акціями Филотехническаго Общества, въ доносахъ, шпіонствѣ и т. п., я не буду“.

Но изъ-за чего же сыръ-боръ загорѣлся? Вѣдь эти то обвиненія и взволновали общество, опроверженія оныхъ-то и ждало оно отъ профессора Багалъя! Уклоненіе же послѣдняго отвѣчать по существу на разоблаченія г. И—ва для cadaго читателя въ высшей степени подозрительно: значить, обвиненія правдивы—заключеніе вполне естественное. вмѣсто опроверженія проф. Багалъй 1) старается поддержать свои старыя взгляды на Каразина статьею Н. Лавровскаго, написанною болѣе 30 лѣтъ тому назадъ и съ появленіемъ новыхъ документовъ уже потерявшею свое прежнее значеніе, и 2) силится унизить автора брошюры и тѣмъ подорвать довѣріе къ его разоблаченіямъ. Пріемъ этотъ вѣрный, дѣйствуетъ на массу читателей, часто достигаетъ своей цѣли, но его нельзя назвать научнымъ. „Мы не находимъ у него, говорить проф. Багалъй,

даже самой элементарной научной добросовѣстности; вездѣ преувеличеніе или искаженіе истины; нѣтъ даже добросовѣстнаго изложенія чужихъ изслѣдованій. Вся его брошюра етъ первой до послѣдней страницы представляетъ сплошное отрицаніе элементарнѣйшихъ требованій научной критики, рядъ умолчаній, произвольныхъ толкованій текста, явныхъ преувеличеній“. Все это, конечно, однѣ фразы, ни на чемъ не основанныя и ничѣмъ не подтвержденныя.

Мы хорошо изучили брошюру И—ва, сличили съ источниками, на которые онъ ссылается, и нашли: большая часть текста его труда заключена въ кавычкахъ, т.-е. авторъ буквально выписывалъ содержаніе документовъ, а тамъ, гдѣ онъ послѣдніе излагаетъ своими словами въ общемъ, точно передаетъ смыслъ источника. Таково наше мнѣніе. Но чтобы читатель видѣлъ, на чьей сторонѣ правда, мы просимъ его обратить вниманіе на одно мѣсто изъ статьи Лавровскаго въ изложеніи проф. Багалѣя и въ изложеніи автора упомянутой брошюры.

Извѣстно, что проф. Н. Лавровскій первый нанесъ рѣшительный ударъ Каразину,

разсказавъ намъ на основаніи архивныхъ данныхъ о присвоеніи имъ пожертвованныхъ на харьковскій университетъ денегъ. Что-бы не было никакихъ недоразумѣній, приведемъ здѣсь дословно это мѣсто изъ статьи Лавровскаго. *) Вотъ — оно:

„При расчетѣ за эстампы оказалось, что Каразинъ взялъ 1) заимообразно изъ городской думы на нужды университета 2 тыс. р.; 2) 2 тыс. рублей, пожертвованныя въ пользу университета именитымъ харьковскимъ гражданиномъ Аникѣевымъ; 3) 500 руб. пожертвованныхъ также въ пользу университета губернскимъ предводителемъ дворянства В. М. Донецъ-Захаржевскимъ и 4) третное жалованье, назначенное на проѣздъ до Харькова адъютанту Каретникову 416 р. 66 к. Первые четыре тысячи, записанныя въ приходорасходной книгѣ Шишкина, были отправлены послѣ, какъ означено въ той же книгѣ, въ Петербургъ въ Новосильцеву, и при объясненіи по этому дѣлу, Каразинъ представилъ въ комитетъ правленія квитан-

*) Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія 1872 г. январь стр. 82—83.

цію почтовой конторы отъ 24 марта 1803 года. Дѣло, повидимому, окончено. Но, къ удивленію, оказалось, что въ находившейся при дѣлахъ копіи съ годового отчета Новосильцева о суммахъ харьковскаго университета за 1803 г. эти четыре тысячи ни въ приходѣ, ни въ расходѣ не показаны, а съ другой стороны губернаторъ Бахтинъ слалъ въ университетъ одно за другимъ требованія о возвращеніи двухъ тысячъ рублей въ городскую думу...

„Дѣло это разъяснилось для университета уже въ іюнѣ (1805 г.) и то случайно. Т. Θ. Осиповскій, непремѣнный засѣдатель правленія, увидѣлъ у одного чиновника (Судакова, секретаря при Потоцкомъ) рапортъ Новосильцева, при которомъ препровожденъ былъ министру народнаго просвѣщенія отчетъ о суммахъ Харьков—та за 1803 г. Ректоръ вытребовалъ копію съ этого рапорта въ правленіе. По этой копіи, а также по свѣдѣніямъ изъ другихъ документовъ, все дѣло можетъ быть представлено въ слѣдующемъ видѣ. Такъ какъ приготовленія къ открытію университета, а слѣдовательно и необходимые

для того расходы начались еще за-долго до отпуска изъ государственнаго казначейства первыхъ суммъ, ассигнованныхъ для этой цѣли, то Каразинъ поспѣшилъ выслать изъ Харькова въ Петербургъ Новосильцеву десять тысячъ рублей, изъ коихъ шесть взяты имъ были у харьковскихъ дворянъ въ счетъ пожертвованной на университетъ суммы, 2,000 р. заимообразно изъ городской думы и 2,000 тоже заимообразно отъ Аникѣева, въ счетъ пожертвованныхъ имъ на университетъ 3 т. руб. съ разсрочкою на четыре года. По полученіи-же штатныхъ суммъ, Новосильцевъ возвратилъ 6,000 въ процентныхъ бумагахъ харьковскому губернскому предводителю дворянства, который и передалъ ихъ университету въ счетъ пожертвованной дворянами суммы, а 4.000 возвратилъ Каразину для уплаты тѣмъ, отъ кого онъ ихъ получилъ.

„При дѣлахъ находится и собственно-ручная росписка Каразина отъ 11-го марта 1804 г. въ полученіи имъ отъ Новосильцева четырехъ тысячъ рублей, доставленныхъ ему въ апрѣль 1803 г.

изъ Харькова. На основаніи всѣхъ этихъ свѣдѣній правленіе, наконецъ, заключило, что 4 т. р., полученныя Каразиннымъ обратно отъ Новосильцева, и суть 2,000, слѣдовавшія къ возвращенію въ городскую думу, и 2,000, слѣдовавшія къ возвращенію Аникѣеву, и положило сообщить губернатору, что оба кредитора—и дума и Аникѣевъ, должны впредь взыскивать свои деньги съ Каразина, уже давно ихъ получившаго. Совѣтъ также, въ засѣданіи 10 іюня, опредѣлилъ признать университетъ свободнымъ отъ платежа городской думѣ 2,000 руб., какъ полученныхъ уже Каразиннымъ“.

„Что же касается до денегъ (500 р.) В. М. Донца-Захаржевскаго, пожертвованныхъ на университетъ и заимствованныхъ Каразиннымъ, то послѣдній самъ согласился на вычетъ ихъ изъ слѣдовавшихъ ему за эстампы 5,000 рублей, а потому и всѣ члены правленія и совѣта признали необходимымъ этотъ вычетъ. Наконецъ, относительно денегъ, принадлежавшихъ адъютанту Каретникову (416 р. 66 к.), Каразинъ далъ правленію подписку, что если Каретниковъ будетъ требовать эти де-

ныги, то онъ „немедленно и безъ отговорокъ внести сѣи деньги въ присутствіе правленія“.

Теперь попросимъ читателя заглянуть въ брошюру г. И-ва и прочесть въ ней стр. 18—19, на которыхъ тоже на основаніи сообщенія Лавровскаго разсказывается о попыткѣ Каразина „прикарманить“ нѣсколько тысячъ чужихъ денегъ. Мы увѣрены, что читатель не усумнится въ добросовѣстной передачѣ г. И-вымъ своего источника.

Изъ сообщенія проф. Лавровскаго видно, что В. Н. Каразинъ присвоилъ нѣсколько тысячъ университетскихъ денегъ; онъ сначала свалилъ вину на Новосильцева, но скоро правленіе университета уличило его собственноручною роспискою въ обратномъ полученіи отъ этого вельможи 4,000 руб. Дѣло ясное. Теперь Каразинъ ничего не могъ возразить противъ обвиненія и обѣщался возвратить присвоенныя деньги.

Но что же мы находимъ въ отвѣтѣ проф. Багалѣя въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ касается того же предмета, т. е. разсказа Лавровскаго о пропажѣ денегъ?

„И на то, говорить проф. Багал'й, чтобы эти деньги (2 т. р.) не были имъ возвращены думѣ, нѣтъ ни малѣйшихъ указаній въ документахъ. То же самое произошло и съ 2 т. р. взятыми у Аникѣева—нѣтъ указаній, чтобы они не были истрачены на нужды университета, а В. Н. Каразинъ обязался вернуть ихъ университету, когда окончательно ликвидировались его сложные расчеты съ этимъ послѣднимъ. То же самое нужно сказать и о деньгахъ Донца-Захаржевскаго. Каретникову онъ выслалъ деньги, но не получилъ отъ него росписки“. Но Лавровскій рассказываетъ только о фактѣ присвоенія Каразинымъ упомянутыхъ денегъ и ни слова не говоритъ—возвратилъ ли ихъ похититель или нѣтъ. Можно думать, что Каразинъ возвратилъ присвоенныя тысячи, а иначе его посадили бы въ тюрьму. Но суть дѣла не въ этомъ: если бы Каразинъ и дважды возвратилъ похищенные деньги, то преступленіе все-таки остается преступленіемъ! Лавровскій, рассказавъ о темныхъ дѣлкахъ Каразина, замѣтилъ: „дѣти не отвѣчаютъ нравственно за недостатки отцовъ“. Для чего сказана эта фра-

за? Что она означает? Она значитъ то, что Лавровскій былъ увѣренъ, что В. Н. Каразинъ совершилъ такой тяжкій проступокъ, который можетъ неблагопріятно отразиться и на репутаціи его дѣтей. И онъ поэтому сдѣлалъ совершенно вѣрное замѣчаніе, что дѣти не отвѣчаютъ за отцовъ.

462815
Такъ же, какъ и г. И—въ, понялъ смыслъ разсказа Лавровскаго, и сынъ В. Н. Каразина Филадельфъ. Въ письмѣ отъ 22 февраля 1872 г. онъ пишетъ Лавровскому: *) „Можетъ ли человѣкъ, полный поэзіи, какимъ вы изобразили В. Н. въ первой половинѣ вашей статьи, быть нечестнымъ, какимъ вы его представили во второй половинѣ? Вѣроятно ли, чтобы патріотъ..... употреблялъ на свои надобности деньги этого самаго университета, его же стараніями собранныя....“

Спрашивается теперь, кто же добросовѣстнѣе знакомить читателя съ вопросомъ о присвоеніи Каразиннымъ университетскихъ денегъ—проф. Багалъй или г. И—въ? Очевидно—послѣдній.

*) Смотри записки харьковскаго университета 1905 г. № 1 стр. 134—135.

Или напр., пр. Багал'йй упрекаетъ автора брошюры за то, что онъ презрительно называетъ В. Н. Каразина „письмоводцемъ“. На самомъ же дѣлѣ г. И—въ передаетъ только то названіе, которое усвоилъ себѣ самъ Каразинъ. „Я былъ единственнымъ *письмоводцемъ* по части департамента просвѣщенія“ писалъ онъ Александру I въ 1804 г.; а сынъ его Филадельфъ, опредѣляя роль своего отца въ Мин. Нар. Пр., говоритъ, что В. Н. Каразина „сдѣлали мизерабельнымъ секретаришкой въ этомъ министерствѣ“. Очевидно, что проф. Багал'йй писалъ свой отвѣтъ только для тѣхъ, кто не читалъ брошюры г. И—ва.

Для характеристики добросовѣстности проф. Багал'я обращаетъ вниманіе читателя еще на слѣдующее мѣсто въ его отвѣтѣ. Отказываясь опровергать обвиненія Каразина въ шпіонствѣ и доносахъ, профессоръ дѣлаетъ къ этому отказу слѣдующее примѣчаніе. „Что же касается предложенія быть „обсерваторомъ“ (шпіономъ), то это вопросъ сложный, и къ оцѣнкѣ его нельзя подходить съ современной точки зрѣнія, не принявъ во вниманіе условій того времени

и внутреннихъ побужденій самого В. Н. Каразина, который, во всякомъ случаѣ, какъ видно изъ его признанія, гнушался доносовъ. Изъ недавно опубликованныхъ документовъ видно, что и А. С. Пушкинъ въ 1831 г. принялъ предложеніе „употребить свое перо для политическихъ статей“, т. е. издавать офиціозный журналъ, чтобы такимъ образомъ руководить общественнымъ мнѣніемъ въ интересахъ правительства“.

Развѣ можно дѣлать подобныя сопоставленія? Развѣ есть что-нибудь общее между доносами, шпионствомъ и писаніемъ политическихъ статей въ журналахъ?! Доносъ есть тайное сообщеніе свѣдѣній начальнику отъ частнаго лица; съ нимъ нельзя бороться, нельзя опровергать. Между тѣмъ политическая статья въ журналѣ печатается во всеобщее свѣдѣніе и ее можно критиковать сколько угодно. Пр. Багалѣй пишетъ, что Пушкинъ дѣлалъ упомянутое предложеніе, чтобы руководить общественнымъ мнѣніемъ въ интересахъ правительства, а какимъ образомъ Каразинъ могъ руководить общественнымъ мнѣніемъ чрезъ

свой тайные доносы и департаментъ шпионства?! Нѣтъ, это сопоставленіе просто.. неприлично!! Мы думаемъ, что нашъ великій поэтъ десять разъ въ гробу перевернулся отъ подобнаго сопоставленія.

Чтобы обѣлить своего героя, проф. Багалѣй бросаетъ комъ грязи въ Пушкина! Иначе и нельзя смотрѣть на отождествленіе намѣреній Каразина и великаго поэта.

Вопросъ о шпионствѣ и доносахъ, пишетъ пр. Багалѣй,—вопросъ сложный и къ оцѣнкѣ его нельзя подходить съ современной точки зрѣнія, не принявъ во вниманіе условій того времени... „Да, но русскій человѣкъ всегда говорилъ: „доносчику—первый внудъ“. И только въ 20-мъ столѣтіи находятъ возможнымъ доносчику ставить памятникъ. О времена, о нравы!

Мы думаемъ, что общество не удовлетворено отвѣтомъ проф. Багалѣя. Чтобы успокоить его, онъ долженъ доказать:

1) что В. Н. Каразинъ былъ „истиннымъ виновникомъ основанія харьковскаго университета“;

2) что „Каразинъ пользовался безграничнымъ довѣріемъ Императора Александра I“;

3) что В. Н. Каразинъ не присвоялъ университетскихъ денегъ;

4) что Каразинъ не похищалъ изъ портфеля Сперанскаго письма къ послѣднему Кочубея;

5) что онъ не предлагалъ закрытія казанскаго университета и преобразованія другихъ на началахъ ограниченія ихъ автономіи;

6) что онъ не обвинялъ университеты въ расходованіи сотенъ тысячъ рублей на народныя гульбища изъ суммъ, ассигнованныхъ на образованіе юношества;

7) Что онъ не обвинялъ профессоровъ харьковскаго университета въ бездѣліи, что онъ не доказывалъ, что харьковскій университетъ испорченъ и продолжаетъ портиться, потому что не Каразинъ стоитъ во главѣ его;

8) что Каразинъ не виновенъ въ мошенничествѣ акціями филотехническаго Общества, что его не предавали суду за это дѣло;

9) что Каразинъ не писалъ доносовъ на учрежденія, общества и лица;

10) что Каразинъ не предлагалъ про-

екта образованія шпіонскаго департамента подъ видомъ статистическаго бюро.

На эти то пункты и ждало возмущенное общество отвѣта отъ проф. Багалѣя.

Мы не рѣшились бы ни доказывать первые два пункта, ни опровергать остальные восемь, считая это дѣло совершенно безнадежнымъ. Скажемъ даже болѣе: мы охотнѣе взяли бы доказывать вообще небытіе Каразина, утверждать что онъ — миеъ, а не историческая личность, чѣмъ опровергать выводы брошюры И—ва относительно того же Каразина.

Напрасно проф. Багалѣй заподозриваетъ автора брошюры въ нечистыхъ побужденіяхъ при составленіи оной! Нѣтъ, дѣло объясняется гораздо проще: г. И—въ студентъ харьковскаго университета, дорожащій честью своей *almae matris*, желалъ просто предупредить открытіе памятника такой темной личности, какъ Каразинъ. Онъ ученикъ проф. Багалѣя, слушалъ у него курсъ „методологіи“, писалъ ему зачетныя сочиненія, проф. Багалѣй экзаменовалъ его на выпускномъ экзаменѣ, восхищался его отвѣтами и поставилъ ему по

русской исторіи баллъ пять. Точно также и по другимъ отдѣламъ исторіи. И—въ удостоился такихъ же вышнихъ отмѣтокъ. Какъ же можно назвать его невѣждой?! Автора брошюры вполне резонно упрекнуть въ рѣзкости тона, въ огульномъ осужденіи историческихъ работъ проф. Багалѣя и проч. Но видно, что онъ руководился въ данномъ случаѣ болѣе чувствомъ, чѣмъ разсудкомъ; старая поговорка—*cuius in gremio cunctorum*—(клинь клиномъ выгоняется)—имѣла на него сильное дѣйствіе. Рѣзкостью сужденій, очевидно, авторъ только хотѣлъ обратить вниманіе на грубую за-тѣю памятника Каразину тѣхъ, кому вѣдать надлежитъ. О пристрастіи тутъ и рѣчи не можетъ быть! Мы конечно раздѣляемъ окончательный выводъ г. И—ва, что памятникъ Каразину будетъ вѣчнымъ позоромъ и для харьковцевъ и для харьковского университета. Мы также увѣрены, что рано или поздно историческая правда войдетъ въ сознаніе общества и „Каразину, какъ выразилась одна газета, придется сдѣлать *salto mortale* съ льедестала“.

Неужели и насъ проф. Багалѣй заподозрить въ пристрастіи или недобросовѣстности? Это значило бы стать на точку зрѣнія сына Каразина, Филадельфа Васильевича, который считалъ недобросовѣстными людьми всѣхъ тѣхъ, которые дѣлали необобрительные отзывы объ его отцѣ. Но сыну поступать такъ вполне естественно, а историкъ долженъ говорить только правду объ историческихъ дѣателяхъ, какъ бы она не была горька. Поговорка „de mortuis aut bene, aut nihil“ не можетъ имѣть мѣста при научной характеристикѣ историческихъ дѣателей. Упрекъ проф. Багалѣя по адресу И—ва, что онъ позоритъ добрую память покойнаго В. Н. Каразина, произвелъ на насъ дурное впечатлѣніе.

Въ заключеніе этой замѣтки считаемъ нужнымъ напомнить нашему собрату по оружію слѣдующее. Нашъ историко-филологическій факультетъ при избраніи разныхъ особъ въ почетные члены харьковскаго университета рѣшилъ руководиться не только учеными трудами данныхъ лицъ, но и ихъ нравственными качествами. Проф. Багалѣй особенно настаивалъ на выполненіи такой

точки зрѣнія при выборахъ. Если такъ, то тѣмъ болѣе нужно имѣть въ виду нравственную сторону той личности, въ честь которой ставятъ памятникъ. Въ отношеніи чествованія Каразина памятникомъ, несомнѣнно, университетъ ошибся, или вѣрнѣе введенъ въ заблужденіе ошибками другихъ. Мы въ этомъ глубоко убѣждены на основаніи самостоятельнаго и безпристрастнаго изученія дошедшихъ до насъ документовъ.

Проф. П. Буцинскій.

